

Про Егора-Святогора

Ехал стар по-за́ городу,
Ехал стар по-за Киеву,
Наехал стар на три рóстаньи.
И на тех рóстаньях лежал камень,
И на том камни подписано и подрезано:
«По правой дороге — богату быть,
По другой дороге — женату быть,
По третьей дороге — убиту быть».
И вот он сел на этот камешок и призадумался:
«Для чего мне на старость богатство? — Мне не в диковинку!
А женатому мне быть — не ко младости!
Поеду я по той дороге — по убитой:
Нажился я, стар казак, на белóм свету!
Много от меня, старого, жён вдовеет,
Много от меня малых детей сиротает».
Поехал стар по той дороге — по убитой.
Едет стар казак по чистóму полю,
Наехал стар казак на площадь:
Дороги наделаны широки —
И поехал он на Святые горы.
Поехал стар по дороге,
Наезжает стар казак на богáтыря.
Вскричал он богатырским голосом — не огленулся!
Пáлицей ударил — не огленулся!
Оглянулся — да в карман запехнул!
(С конём, со всем.)
Бо́гатырь едет дальше.

Конь и прогóворил: «Ну, Егор-Светогор, не могу двух богатырёй везти: есть у тебя бо́гатырь не хуже тебя!» То́гда он вспомнил, вытащил этого бо́гатыря из кармана. Он спросил, каких городов, какого племени. И назвались они братьями. «Давай, говорит, поедем к моему папаше в гости!» Приезжают к егову папаше в гости. Служанки на

обед приготовили что
было. Сели, стали они попивать. А у его отец слепой был. И вот говорит этот
сын: «Вот я, папаша,
русского богатыря привёз в гости». — «Ладно, привёз, так угощайте. Каковы
у русских
богатырей ручки? Я тебе, грит, пощупаю». А этот Егор предупредил: «Не
давай ему руку, — давай
палицу!» Он дал ему палицу. Он жал, жал, пережал через и говорит:
«Мяконьки русские
руки!»

Ну вот, долго ли, коротко ли сидели. Егор-Светогор говорит: «Ну, Илья, нам
некогда сидеть!
Последний у нас сегодня, решительный бой: женщина у нас — паленица
воюет. Который
которого перебьёт — замуж возьмёт». «Так давай, — говорит Илья, —
поедем с тобой в чистое
поле!»

Тридцать лет они бьются с им. Вот они где место попали, где бьются, — она
рыщет там,
разъезжает, шпорами — коня, ох как подъездивает! Вот Егор-Светогор
говорит Илье: «Ты поезжай!
Если можешь сбить — твоё золотó кольцо!»

Тот, делать нечего, сел на коня и поехал, а этот остался за кустиком.
Подъезжает он к ей.
Она увидала. «Ох, Егор-Светогор кого послал, комара какого! Я дуну — так
костей не найти!»
Она дунула — он сидит. Она и плюнула — он всё сидит. «Ах, говорит, вот
какой подъехал!»
Она выхватила саблю да махнула. А Илья на это был увёрточный. Сейчас
под коня! Она
копьем рассекла, а он копьем под грудь поддел, она и свалилась с коня. Он
в это же время на ейного
коня соскочил, — конь стал носить по чисту полю. (Он этому коню лёгок
показался, вот и
носит.) А он дёржитця. Долго ли, коротко ли он таскал — только всё-таки
укротал! Подъехал он
к этому туловищу. Ну, и Егор-Светогор подъехал: «Раз ты победил, — у ей

есть кольцо,
перестень самоцветный, можешь получить. Из-за этого кольца я тридцать лет бился!»

Вот стал он это кольцо снимать. Она рукой махнула. Он под эту ейную руку попал — и

встать не может. Егор видит Светогор, что Илья не может выбиться, он схватил ее за руку и с

пальцем это кольцо оторвал. Илья встал, — он это кольцо ему передал.

Вот сели на лошадей и поехали дальше по горам. Ехали, близко ли — высоко, низко ли —

далёко: два старца гроб делают на горах. Егор-Светогор спросил: «Кому вы этот гроб делаете?»

— «А не знаем, кому угодить. Ты хоть ложись, нам всё равно».

Тогда Егор-Светогор говорит: «Я ляжу — так весь гроб раздавлю у вас!»

Егор-Светогор с

коня слез и лёг в этот гроб. Как он лёг, так сейчас крышка налетела наверх.

Ну, ладно. Он ослаб

весь в гробу, встать не может.

«Ну, Илья-брат, бей палицей по гробу!» (Эти старцы в это время потерялись; как

крышка налетела — а их и нету.) Когда этот Илья палицей ударил, обруч железный налетел.

Тогда Егор-Светогор сказал: «Ну, Илья, наверно мне это смерть! Не бей больше». Тогда

Егор-Светогор говорит: «Ну, Илья, прямо против лица дырку вырежи: мне дух выпустить. Когда

я первый дух выпущу, тот дух смотри не бери! Второй — не бери! Третий — немного хвати!»

Вот он захрапел, спустил воздух, густой пошел (сила, значит, пошла) — он того не смел

хватить! Потом второй спустил — он второго-то хватил! Вот в ём сила не может поместиться! Вот

он бросился на лес, деревья стал с корнями рвать. Когда немного укротил свою силу, тогда он

могилу выкопал и этого Светогора похоронил. Коня в чисто поле отправил евонного, спустил.

Поехал к его́му отцу, к слепому старику с известием, что сына его

похоронил. Тогда отец
сказал: «Ты — злодей, погубил ты у меня сына!»

Поехал он обратно к стольне Киев-граду. Едет он, близко ли — далёко,
низко ли — высоко:
Киев-город недалекó. Встречается ему староста Микула. Он спросил его:
«Что у нас нонь в городе,
никаких новостей?» — «У нас в стольнем городе Киеве всё не по-старому,
всё не по-прежнему:
населился чудовище великое к князю Владимиру в дом. Князь Владимир
прислугой живёт, а
княгиня Апраксея у него на коленях сидит. Ко одной выти быка съедает».

Он всё тут расспросил, как что ведётся, поехал дальше. Приезжает он в
город. Там на стенишку
городовую, где застава стоит, не поехал. А перерядился каликой
перехожей, взял клюку и
пошел.

Вот он приходит 'князю Владимиру на дворец, где этот чудовище живёт. А
все придворные
знают, что старый идёт, пропуск дают. Заходит он в комнаты. Как раз
этот чудовище сидит у
его обедает. Князь Владимир тут ему на тарелке поднашивает вроде лакея,
а кнегиня Апраксея сидит
на коленях, а он жрёт. Князь Владимир видит, что стар казак зашел
(добром не видит), а
сам не говорит. Это чудовище сидит и жрёт.

«А много ли у вас стар казак съедает нараз к выти?» Князь отвечает, что он
очень мало ест.

А он говорит: «Какой же это богатырь? Вот мне бык — на раз!»

А Илья стоит под порогом. А он не знает: калика и калика. Илья и говорит:
«У нас ведь была
обжористая корова, обожралась и пропала — и так ты пропадёшь!»

Он сейчас в это время спёхнул Апраксею, нож схватил и ножом его свиснул,
эту калеку. А
Илья на это был увёрточный. Он схватил шляпу (на его была в сорок пудов),
швырнул в его —

он с простенком и улетел вон, весь там расшибся!

(Тем и закончилось.)

(Зап. А. М. Астаховой 24 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Филиппа Васильевича, 40 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.